
Кира Эммануиловна Кирова

КОНЦЕПЦИИ ИТАЛЬЯНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В РАННИХ РАБОТАХ МАДЗИНИ

(1831-1833 гг. Первый период «Молодой Италии»)

Из истории социально-политических идей

Сб. статей к 75-летию академика В.П.Волгина

М.: изд-во АН СССР. 1955. С.432-451

Веб-публикация: [Vive Liberta, 2012](#)

Ссылки на тематические материалы даны нами после текста статьи

Имя Джузеппе Мадзини неразрывно связано с историей борьбы за национальную независимость и единство Италии. Под его влиянием выросли буржуазные революционеры, его идеями проникались едва ли не все итальянские демократы 1830—1860 гг.

Правда, нельзя забыть, что позже, в истории I Интернационала мадзинисты играли роль противников марксизма, тормозивших развитие революционного сознания европейского пролетариата. Но передовые силы Италии чтут память Мадзини за то, что было самого лучшего, самого смелого в его идеях и деятельности, преимущественно раннего периода, одновременно вскрывая уже и тогда сказавшуюся ограниченность, противоречивость его позиций.

Мадзини выступил с самостоятельной политической программой в начале 30-х годов XIX в., когда политически раздробленная и экономически отсталая Италия задыхалась под тяжестью австрийского хозяйничанья и феодальных порядков. Четыре пятых населения страны были связаны с сельским хозяйством. Основная масса земли принадлежала помещикам дворянского и буржуазного происхождения. Крестьянство, в основном обезземеленное, превращено было в нищих исполщиков и батраков. В стране еще не начался промышленный переворот, не было индустриального пролетариата. Развитию итальянской промышленности (мануфактурной и ремесленной) и торговли препятствовали тесные рамки маленьких государств, отгороженных друг от друга таможенными барьерами, имеющих каждое свое особое законодательство, свою денежную систему, свою систему мер, весов и т. п.

Политическая раздробленность мешала образованию единого национального рынка, тормозила развитие производительных сил страны. Но объединение Италии в единое государство было невозможно до тех пор, пока Австрийская империя, захватив богатейшие итальянские области Ломбардию и Венецию и блокируясь в остальных частях полуострова с наиболее реакционными слоями итальянского общества — с феодальным дворянством и духовенством — железом и кровью подавляла всякую попытку добиться перемен.

Над униженной в своем национальном достоинстве, залитой кровью страной навис густой мрак феодальной реакции.

Освобождение от австрийского ига становилось, таким образом, необходимой предпосылкой экономического и политического возрождения страны. Борьба за национальную независимость и государственное единство Италии должна была стать основным содержанием и главной задачей буржуазной революции.

Карбонарские венты, возглавившие в 20-х годах XIX в. национально-освободительное движение в Италии, действовали заговорщическими методами, даже не пытаясь втянуть в борьбу народ. Их программа была пестра, самые венты нередко оторваны друг от друга. Борясь за национальную независимость, далеко не все карбонарии выдвигали задачу политического объединения страны. Большинство карбонариев было сторонниками превращения абсолютистских итальянских государств в конституционные монархии. Лишь немногие из них были республиканцами и совсем уже немногие требовали также социальнс-экономических реформ.

Весной 1831 г., после того как развязанное карбонариями восстание в центральной Италии было жестоко подавлено австрийскими войсками, крах заговорщических методов итальянской карбонады стал очевиден. Либерально-монархическое крыло итальянского национально-освободительного лагеря, отражая интересы крупной буржуазии и крупных обуржуазившихся помещиков и боясь революции и привлечения народа к освободительной борьбе, уже в те годы склонно было искать разрешения национальных задач в династических войнах итальянских государей, дипломатической поддержке европейских правительств, даже в компромиссе с Австрией.

Внутренние преобразования в Италии либералы представляли себе возможными лишь в результате проведения «осторожных» и «своевременных» реформ.

Но среди лучшей части итальянского антифеодального лагеря — среди представителей мелкой и средней буржуазии и мелкого и среднего обуржуазившегося дворянства — шли уже энергичные поиски новых, революционных путей и методов борьбы за национальную независимость и единство страны.

Выразителем этих новых, революционных чаяний и стремлений стал Мадзини.

В конце лета 1831 г. Мадзини, разорвав со старой карбонадой, основал в Марселе, куда съехались многие высланные из Италии участники революционных событий 1821—1831 гг., свою знаменитую «Молодую Италию» и начал готовить восстание, которое должно было, по его замыслу, послужить толчком не только к итальянской, но и к общеевропейской революции.

Одновременно он, в издаваемом им, одноименном с организацией, журнале «Молодая Италия» развивал свою новую систему религиозно-философских и социально-политических взглядов.

Рассмотрение генезиса этих взглядов не входит в задачу данной статьи.

Несомненно, однако, что на формирование воззрений Мадзини о характере, задачах и силах итальянской революции первостепенное влияние оказала итальянская и французская передовая демократическая мысль начала 30-х годов XIX в.¹ Решающая роль в формировании взглядов Мадзини принадлежит, на наш взгляд, современным ему историческим событиям — в первую очередь неудачному опыту итальянских революций 1820 и 1831 гг.

Это были верхушечные революции, и Мадзини подчеркивает, что поражение они потерпели потому, что в них не приняли участия народные массы. Он винит в этом вождей, которые «оставили бездейтельными

¹ См. Galante Garrone. F. Buonarroti e i rivoluzionari dell'ottocento (1828—1837), Firenze, 1951.

силы, дремавшие в народе»¹. Они «отстранили народ», и борьба их окончилась неудачей².

Отрицательному опыту итальянских революций жизнь противопоставила опыт событий 1830—1831 гг. в других странах Европы. И в июльской революции во Франции, и в революции 1830 г. в Бельгии, и в борьбе за парламентскую реформу в Англии рабочие были главной движущей силой событий, а восстание 1831 г. в Лионе показало миру, что на арену истории вышла новая, могучая сила — пролетариат.

Мадзини воспринял эти события как выступления «народа» или, как он нередко выражается, «простолюдинов». «Народ поднял свое знамя»³, — восклицает он. «В Лионе, Париже, Брюсселе, Лондоне говорил народ. Его крик раздался среди баррикад и пожаров. Он показал свою силу творить и разрушать»⁴. Народ — главная сила революции — таков вывод, сделанный Мадзини из современных ему событий. «Нам необходимо привлечь народ, чтобы не остаться одним»⁵, «...чтобы выйти на поле боя с возможно большей силой»⁶. Итальянской революции «нужны массы... нужны войска... готовые сражаться отчаянно и упорно». «Сила XIX века — в народе». «Без простолюдинов не бьются и не побеждают». «Простолюдины, к оружию! Вот секрет грядущих революций», — развивает он мысль в основе всей его концепции мысль.

Мысль эта для Италии 30-х годов XIX в. имела огромное революционное значение: она означала отказ от заговорщических методов борьбы и попытку подвести под национально-освободительное движение ту массовую базу, какой ему до сих пор не хватало.

Правда, мысль эта высказывалась Мадзини не без оговорок. Классовая борьба в итальянской деревне, волнения городской бедноты, не говоря уже о борьбе народа со своими угнетателями в западноевропейских странах, не проходили бесследно для мелких и средних буржуа, чьим идеологом был Мадзини, вызывая у них смутную тревогу перед возможной «неумеренностью» и «жестокостью» народа, тем, что мы обычно именуем «плебейскими» его методами. Поэтому и Мадзини, говоря о народе, как о главной силе революции, восхваляя его как носителя божьей миссии на земле (отсюда и знаменитый его лозунг «бог и народ»), не случайно роняет слова о «конвульсивных движениях», «неумеренности порывов», «жестокости» восстаний; приветствуя революцию, он с нескрываемой неприязнью пишет о грабежах и кровопролитиях, которые якобы ее сопровождают.

Но тревога эта у Мадзини была не настолько сильна, чтобы заставить его отказаться от самой мысли о привлечении народа к национально-освободительной борьбе. Вдумываясь в европейские события, он находил, что свобода выбора уже утеряна: «народ вышел», «народ поднял свое знамя», «народ показал свою силу творить и разрушать и если предоставить его самому себе, он будет действовать по-своему и жестоко».

«Если вы хотите уменьшить сумму бед, связанную с революцией, — взывает к своим соратникам Мадзини, — если вы хотите привести простолюдинов к цели без серьезных пертурбаций, без ненужного кровопролития, без грабежей... не обрекайте на бездействие нетерпеливых простолю-

¹ La Giovine Italia, fasc. 5, Marsiglia, 1833, p. 182.

² Там же, fasc. 3, Marsiglia, 1832, p. 186.

³ Там же, p. 92.

⁴ Там же, p. 96.

⁵ Scritti editi ed inediti di G. Mazzini, Edizione nazionale, vol. II, p. 49. В дальнейшем это издание (vol. 1—94, Imola, 1906—1943) цитируется как Mazzini.

⁶ La Giovine Italia, fasc. 3, Marsiglia, 1832, p. 99.

динов, не обольщайте себя надеждой, будто достаточно того, что вы сражаетесь для них»¹.

Стремясь привлечь народ к национально-освободительной борьбе итальянской буржуазии, Мадзини надеялся, таким образом, не только дать буржуазии союзника, но и избежать бесконтрольных действий масс. Соответственно этому определял он и роль народа в революции.

Народ должен действовать под руководством вождей или, как часто выражается Мадзини, «молодежи». «Молодежь» — это в лексиконе Мадзини понятие не столько возрастное, сколько моральное², а в конечном счете и социальное. Это — «buoni» — добрые, «люди доброй воли», люди, проникнутые идеями и принципами «Молодой Италии», т. е. представители той же мелкой и средней буржуазии и мелкого и среднего обуржуазившегося дворянства, на которых опирался в своей революционной деятельности Мадзини и в ком он видел руководителей будущей революции.

«Молодежь» — по характеристике Мадзини — самоотверженная, бескорыстна, имеет «магическое влияние» на простолюдинов³. Взаимоотношения ее с «простолодинами» определяются Мадзини как типичные взаимоотношения героев, которые ведут, и толпы, которая за ними следует.

«Когда народ восстает,— пишет Мадзини,— он заключает со своими вождями, избирая их, молчаливый договор. Мы поднимаемся, чтобы отвоевать нарушенные права...— говорит народ,— объясните нам путь, мы его не знаем. Вот руки и средства — ведите нас...» Вожди отвечают, что не пожалеют жизни, и что народ может быть уверен в правильности пути, по которому его поведут⁴.

Роль народа в революции оказывается, таким образом, строго подчиненной. Народ — это масса, которую ведут и которая «преодолеывает своей численностью все препятствия», но которая ни в коем случае не может претендовать на командные роли в борьбе. Это — рабочие руки революции, и характерно, что именно так говорит иногда Мадзини о народе: «Народ — это первый элемент революции, ибо нельзя победить, не имея рук»⁵.

В 1831—1833 гг. Мадзини был уверен, что удержать народ во время революции в подчиненном буржуазии положении вполне возможно.

«Если вы дадите народу толчок к действию,— писал он,— и предоставите его самому себе, то внушения врагов, склонности, порожденные рабством, возбуждение, вызванное долгой нуждой, отдадут его в руки первой же партии, которая захочет им завладеть. Но будьте с народом, не отталкивайте его, не разочаровывайте его холодностью... сдерживайте его... будьте готовы умереть за него и народ пойдет за вами, куда вы захотите»⁶.

Эта характерная для молодого Мадзини уверенность в возможности для буржуазии «руководить» народом, была результатом незрелости рабочего движения в Европе и почти полного отсутствия его в Италии в начале 30-х годов XIX в. И в июльской революции во Франции, и в революции 1830 г. в Бельгии, и во время борьбы за парламентскую реформу в Англии рабочие, еще не умея сформулировать собственные требова-

¹ La Giovine Italia, fasc. 3, Marsiglia, 1832, p. 96.

² Известно, что Мадзини, вначале предполагавший принимать в «Молодую Италию» лишь людей в возрасте до 40 лет, очень скоро заявил, что готов сделать исключение для всех, у кого «молодые чувства» (т. е. для тех, кто разделяет его убеждения и программу.— К. К.).

³ La Giovine Italia, fasc. 2, Marsiglia, 1832, p. 92.

⁴ Там же, p. 74.

⁵ Там же, p. 79.

⁶ Там же, fasc. 3, Marsiglia, 1832, p. 112.

ния, выступали в основном под руководством мелкобуржуазных демократов. Даже в Лионе, где рабочие восстали непосредственно против капиталистической эксплуатации, политическая программа их борьбы была им подсказана мелкобуржуазными республиканцами. Французские республиканские общества, с которыми был тесно связан Мадзини, неоднократно отмечали «любовь к порядку и уважение к собственности», проявленные парижскими и лионскими рабочими в дни восстания, и у Мадзини это еще более укрепляло надежду на аналогичный ход событий и в Италии.

Тезис о руководстве народом, неоднократно развиваемый Мадзини, играет в его концепции чрезвычайно важную роль. Этот тезис как бы подкрепляет основное положение Мадзини о необходимости привлечения народа к борьбе.

В 50-х годах XIX в. Мадзини опубликовал работу «Обязанности человека», в которой, обращаясь к итальянским рабочим, заявлял, что итальянцы должны бороться за освобождение своей родины не из «корыстных» материальных интересов, а из «чистой» любви к богу — в силу моральной обязанности, а не ради завоевания прав.

В начале 30-х годов эта теория уже начинала оформляться в его сознании, но пока еще применительно лишь к «молодежи» — бескорыстной и полной самоотвержения. Простолюдины, по мнению Мадзини, борются «за права», т. е. за улучшение своего положения. Мадзини объясняет это недостаточным их образованием: «вы..., я,— пишет он одному из своих корреспондентов,— сотни и тысячи юношей, целый класс молодежи питает свою любовь к родине чтением, созерцанием памятников, воспоминаниями, из которых вырастает религия отечества. Но простолюдины, невежественные и глубоко несчастные, не могут разделять эту религию, не могут проникнуться этим деликатным чувством... Простолюдины редко встают ради идеи, ибо не имеют политического образования»¹.

Религия, как думал в начале 30-х годов Мадзини, была бессильна здесь помочь. В XIX в. она уже не способна двинуть в бой массы, и Мадзини вздыхает о минувших веках, когда, по его мнению, люди шли в крестовосы из-за одной лишь любви к богу². «Теперь,— пишет он,— сила идеи умерла, сила интересов — единственное, что находит путь к сердцам»³. Поэтому бесполезно, выдвинув один только лозунг борьбы за независимость — лозунг «Долой варваров!», — пытаться поднять народ против австрийцев. «Простолюдины не знают тайн кабинетов, где палка Меттерниха правит итальянскими правительствами. Мысль народа ограничивается городом, деревенскими бороздами... «Варвар» — это для народа таможенник, который мешает торговле, жандарм, нарушающий его личную свободу...» «Массы не пойдут за нами, если мы ограничимся возгласом «долой варваров!» и не напишем на другой стороне знамени: «Улучшение гражданского и материального положения простолюдинов». Революция, чтобы победить, должна иметь в своей программе улучшение положения классов наиболее многочисленных и бедных», — приспособливает Мадзини к итальянским условиям, несомненно, известное ему положение сенсимонизма.

Италия была сельскохозяйственной страной, и наиболее многочисленным и бедным классом ее было крестьянство. Позиция крестьян должна была во многом определить исход буржуазной революции в Италии, и

¹ Mazzini, vol. 5, 54—55.

² Там же, p. 259.

³ Там же, p. 54.

Мадзини, выдвигая тезис о привлечении народа к революции, мог бы, казалось, поставить и основной для крестьян вопрос о передаче им в собственность обрабатываемой ими помещичьей и церковной земли.

Прогрессирующее обезземеление итальянского крестьянства давно уже поставило эту проблему на повестку дня, и в Италии еще в конце XVIII в. возникли различные теории земельного передела, образования сельскохозяйственных коммун и т. п.¹, а некоторые итальянские государи делали даже попытки помешать обезземелению крестьян и связанному с ним нарастанию революционного брожения в деревне с помощью различных законодательных мероприятий.

К 1830 г. процессы обезземеления в итальянской деревне продвинулись еще дальше, и Мадзини недаром пишет в одной из своих статей об «ужасающей нужде деревенского населения, которая толкает его на самые отчаянные попытки, если его не утешить и им не руководить»², и недаром говорит о «войне, которая вот уже два столетия идет в Италии между сеньерами и простонародьем». Но об основной причине этой войны — о борьбе крестьян за землю — в статьях и письмах Мадзини прямо не говорится, и если судить только по этим материалам, то может создаться представление, что Мадзини и вовсе не отдавал себе отчета в значении этой проблемы для Италии³.

Надо учитывать, однако, не только то, что Мадзини писал об Италии, но и то, что он писал о других странах, а также и статьи других авторов, помещенные в «Молодой Италии» — журнале, в котором Мадзини печатал только то, с чем был согласен.

Первое, что мы, таким образом, узнаем, это, что Мадзини — сторонник мелкого землевладения. «Французская революция доказала, — пишет он, — что чем более раздроблено землевладение, тем более выигрывает земля и ее владелец»⁴.

Вопрос о размерах земельной собственности «Молодая Италия» ставит также на английском материале. Англия в 1830—1832 гг. переживала полосу крестьянских волнений, которые английская историография излишне самоуверенно окрестила «последним восстанием барачков»⁵. Мадзини об этом не упоминает, говоря лишь, что в Англии господствует феодальная аристократия — собственница земли⁶ и что причиной массового нищенства в этой стране является громадная концентрация собственности в немногих руках. Напечатанная в третьем номере журнала за подписью «Восьмидесятилетний священник» статья члена «Молодой Италии» Боннарди ставит точку над *i*. Рассказав, как английские батраки «грабили окрестности» и жгли сельскохозяйственный инвентарь, Боннарди вспоминает, что еще недавно английские землевладельцы, огораживая свои земли, сгоняли с них многие тысячи семейств. Феодальные порядки, прикрытые фивовым листком свободы, еще очень сильны в этой стране, пишет он об Англии. Они «опутывают и обрекают на голод трудящийся класс, который обрабатывает землю и сказываются на производительности

¹ См. D. Cantimori. Utopisti e i riformatori italiani.— «Ricerche storiche», Firenze, 1943.

² La Giovine Italia, fasc. 5, Marsiglia, 1833, p. 193.

³ Даже слов «батрак», «арендатор» нет в интересующий нас период в статьях Мадзини, и если бы не одно или два сугубо практических его письма, где он пишет, что вторжение в Савою должно быть поддержано отрядами батраков, то можно было бы подумать, что этих слов нет в его лексиконе.

⁴ La Giovine Italia, fasc. 2, Marsiglia, 1832, p. 246—247.

⁵ См. J. and B. Hammond. The village labourers 1760—1832, London, 1920, ch X—XI.

⁶ La Giovine Italia, fasc. 2, Marsiglia, 1832, p. 120.

сельского хозяйства. На Англии висит 22 млн. государственного долга. Это раковая опухоль..., которая не может быть излечена без раздела узурпированной аристократией земли»¹ (подчеркнуто нами.— К. К.).

Придя таким образом к выводу о необходимости раздела аристократических поместий в Англии, мог ли Мадзини не задуматься над этим и по отношению к Италии? Ведь и в итальянской деревне царило безземелье и приводящая к стихийным революционным взрывам нужда!

Частичный ответ на этот вопрос мы находим в четвертом номере «Молодой Италии», где напечатана речь Кремповицкого, участника восстания 1830 г. в Польше, заявившего, что «голос разума требовал от ставшего во главе повстанцев сейма дать землю крестьянам», и что это не было сделано лишь потому, что сейм состоял из «привилегированных, называвших изменником каждого, кто хотел социальных реформ»².

Мадзини снабдил эту речь предисловием, в котором, проводя параллель между Польшей и Италией, заявил, что одинаковые причины порождают одинаковые следствия и что редакция «Молодой Италии», печатая речь Кремповицкого, надеется сделать патриотическое дело. «Пусть итальянские читатели посмотрят, принесли ли ошибки, о которых говорит Кремповицкий, вред одному только польскому восстанию»³.

Конечно, это не значит, что Мадзини хоть на мгновение склонялся к мысли о насильственной экспроприации помещичьих земель. В его письмах встречаются резкие высказывания против «аграрного закона»⁴, а в одной из своих статей он заявляет также, что не хочет «нетерпимости, возведенной в систему... аграрных законов, бесполезных нарушений частных прав». Возможность насильственной экспроприации помещичьих земель исключалась Мадзини категорически. С церковными землями дело обстояло иначе.

В пятом номере «Молодой Италии» была помещена статья «Сицилия и единство Италии». Как известно, Сицилия в этом отношении представляла особые трудности: на острове издавна были распространены идеи сепаратизма, и в 1820 г. сицилийские крестьяне, руководимые помещиками, выступили даже с оружием в руках за отделение от Неаполитанского государства. Мадзини не мог не учитывать, что поднять сицилийских крестьян на борьбу за объединение будет трудно и что для этого нужны особые средства. Статья, написанная близким другом Мадзини Ла-Чечилия в непосредственном контакте с ним самим, звала сицилийцев бороться за единство и уверяла, что в Сицилии народ, как нигде в Италии, сможет, не нарушая ничьих прав, вкушать плоды победы, ибо в Сицилии есть неисчерпаемое богатство монастырских земель. Эти земли должны принадлежать народу, потому что «природа дала каждому человеку право на существование и владение землей»⁵.

И в других итальянских государствах были земли, принадлежащие католической церкви, но обещать их народу там, где это, по его мнению, не диктовалось острой политической необходимостью, Мадзини, очевидно, не решался. Характерно, что и обещание отдать нуждающимся мона-

¹ La Giovine Italia, fasc. 3, Marsiglia, 1832, p. 8. Денежные единицы автором не указаны.

² La Giovine Italia, fasc. 4, Marsiglia, 1833, p. 170—171.

³ Там же, p. 164.

⁴ Они направлены против руководимой Буонаротти новой карбонады, в частности, против общества «истинных итальянцев», с которыми Мадзини в те годы тесно соприкасался, и в котором настроения в пользу аграрного передела были, несмотря на коммунистические взгляды самого Буонаротти, очень сильны.

⁵ La Giovine Italia, fasc. 5, Marsiglia, 1833, p. 95.

стырские земли в Сицилии сопровождалось — точно для того, чтобы оградить от покушений самый принцип частной собственности на землю — оговоркой, гласившей, что церковь — это организация небесная и земли ей были даны для помощи бедным, а не для обогащения.

Как мыслил Мадзини один из возможных путей разрешения аграрной проблемы в Италии, мы узнаем также из четвертого номера «Молодой Италии» — из приложения к статье Мадзини о Венгрии, в котором говорится, что дворяне одной из венгерских провинций решили предложить венгерскому сейму «улучшить положение крестьян, отдав им обрабатываемую ими землю». Это предложение, очевидно, преследовало цель привлечь крестьянство к национально-освободительному движению, ибо те же дворяне, говорило еще далее, намерены поднять на собрании сейма вопрос о национальной независимости Венгрии¹.

Помещенное в приложении, куда не каждый заглянет, и напечатанное мельчайшим шрифтом, это сообщение является на наш взгляд робким приглашением итальянским помещикам действовать по примеру венгерских дворян, подобно тому, как набранная петитом в отделе «Смеси» речь Кремповицкого и предисловие к ней Мадзини являются нерешительным признанием целесообразности удовлетворения крестьянских требований для победы национально-освободительного движения. И, если Мадзини не говорит об этом открыто, если он не ставит аграрную проблему прямо во весь рост, а точно кружит вокруг нее, ограничиваясь наводящими намеками и т. п., то происходит это именно потому, что он, считая ее важной, находит весьма трудной и сложной, какой она и была для итальянской буржуазии.

Трудность эта заключалась в том, что итальянская буржуазия, нуждаясь в своей борьбе с феодализмом в содействии крестьянских масс, не могла в то же время, не нарушая своих непосредственных интересов, выдвинуть лозунг ликвидации феодальных пережитков в деревне, как это сделала хотя бы французская буржуазия в конце XVIII в.

Причина этого была не только в том, что экономически и политически слабая итальянская буржуазия выступала в тесном союзе с обуржуазившейся частью итальянского дворянства. Тяжелые условия, в какие была поставлена итальянская промышленность, издавна побуждали итальянских купцов и мануфактуристов вкладывать свои капиталы в сельское хозяйство, и к 30-м годам XIX в. землевладельцы и крупные арендаторы составляли одну из ведущих групп итальянской буржуазии. Крестьян, обрабатывавших их земли, они эксплуатировали теми же полуфеодальными методами, что и дворяне, и в их поместьях применялись те же средневековые формы аренды и та же скрытая барщина и оброк, что и в дворянских латифундиях.

Владея землей и выступая в тесном блоке с обуржуазившимся дворянством, итальянские буржуа в массе своей и слышать не хотели о том, чтобы обещать крестьянам свою землю или землю своих союзников.

Мало того, чрезвычайная острота классовых противоречий в итальянской деревне заставляла их бояться всяких революционных перемен в ней и мешала им выдвинуть лозунг раздела феодальных поместий. Это сближало интересы буржуазии с интересами феодального дворянства, которое во всех остальных отношениях было ее явным врагом².

¹ La Giovine Italia, fasc. 4, Marsiglia, 1833, p. 155.

² Это объясняет между прочим и тот примирительный тон, в котором Мадзини и его соратники говорят иногда о феодальной знати. Ла Чечилия в уже цитированной статье пишет, что обложенная высокими налогами земля в Сицилии стала «предметом воздыхания, как бедных, так и знатных», и не жалеет красок на рассказ о «жертвах»,

Противоречивая позиция итальянской буржуазии не могла не наложить своего отпечатка на идеологию и революционную программу Мадзини.

В 1851 г., говоря о том, почему Мадзини не выдвинул аграрных лозунгов, Маркс, резко критиковавший буржуазную ограниченность Мадзини, писал: «...несомненно, нужно много мужества, чтобы заявить буржуазии и дворянству, что первый шаг к независимости Италии состоит в полном освобождении крестьян и в превращении испольной системы аренды в свободную буржуазную собственность»¹.

Мадзини, неразрывными узами связанный с итальянской буржуазией и обуржуазившимся дворянством, уверенный в святости частной собственности, этого мужества не имел. Не выдвинув аграрных лозунгов, он лишил «Молодую Италию» наиболее эффективного средства поднять народ и для вовлечения крестьянских масс в борьбу был вынужден обратиться к иным средствам. Мы поймем характер этих средств, когда увидим, как объясняет Мадзини жестокую нужду итальянских народных масс.

В статьях и письмах Мадзини есть немало замечаний о «согнутых спинах» и нужде народа, но при всем его искреннем сочувствии страданиям народных масс, нет указаний на основную причину этой нужды. Крестьяне, по объяснению Мадзини, страдают от политического неравенства, угнетения, от того, что плоды их труда отнимают у них с помощью таможенных пошлин, налогов, судебных сборов. От этого же страдают ремесленники и рабочие. Они «угнетены аристократией», «обескровлены священниками» и «доведены до отчаяния» системой государственных сборов.

Вопрос о том, куда идут выкачанные государством из народа средства, Мадзини в отличие от французских республиканцев начала 30-х годов, с которыми он был тесно связан, не ставит. Вопрос о взаимоотношениях крестьянина с помещиком и рабочего с мануфактуристом — он обходит, и конечной причиной нужды у него оказывается не эксплуатация трудящихся помещиками и промышленниками, а эксплуатация их государством и, отчасти, церковью — «тирания, от которой народы нищают и против которой они восстают».

Отсюда вытекают и лозунги, с помощью которых Мадзини стремился привлечь народ к борьбе. Это, в первую очередь, требование равенства и республики.

Борьба с привилегиями, борьба за равенство была, по мнению Мадзини, чуть ли не основным содержанием всей истории человечества и должна была стать основным содержанием грядущей европейской революции. «Простолюдины жаждут равенства», — писал Мадзини. «Равенство — это магическое слово, которое создает героя из раба, которое создало когда-то победы Конвента, войска Наполеона. Именно этот лозунг, лозунг равенства... выдвигали великие люди прошлого, когда они хотели подчинить и увлечь за собою массы»².

Но подлинное равенство было, по убеждению Мадзини, возможно лишь в республике, и он громкогласно провозглашал, что республика «звучит для простолюдинов как определение их прав»³, что народ верит

которые якобы принесла сицилийская знать, чтобы «освободить несчастные классы», а сам Мадзини заявляет в одной из своих статей, что в Италии «дворяне такие же рабы, как и народ».

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 50.

² La Giovine Italia, fasc. 2, Marsiglia, 1832, p. 79.

³ Там же, fasc. 3, Marsiglia, 1832, p. 106.

в республику, видит в ней «залог улучшения своего положения» и пойдет за нее в бой.

Вера Мадзини в республиканские настроения народных масс, носившая в начале 30-х годов несколько абстрактный характер, блестяще оправдалась борьбой итальянских ремесленников и рабочих в дни героической эпопеи Римской и Венецианской республик в 1848 и 1849 гг.

К требованию республики и равенства в разработанной Мадзини программе массовой пропаганды прибавлялось требование судебных, административных, налоговых реформ.

Конкретные указания на то, как эта пропаганда должна была проводиться, мы находим в ряде статей и писем Мадзини. Так, в первом номере «Молодой Италии» Мадзини, приглашая своих соотечественников участвовать в проектируемом им журнале для ремесленников и приходских священников (он рассчитывал, надо полагать, что священники будут пропагандировать его идеи среди неграмотных крестьян), зовет их «сбирать документы о бесчисленных несправедливостях, остающихся незамеченными, прислушиваться к стонам нужды, вскрывать притеснения, преследования, продажность». «Разоблачайте предрассудки...—инструктирует он своих корреспондентов,— пишите о реформах, которые являются наиболее спешными»¹.

В другой статье Мадзини ставит вопрос еще конкретнее. Народ страдает от налогов, указывает он, значит ему надо сказать, что «земельный налог отнимает $\frac{1}{6}$, а то и $\frac{1}{5}$ его дохода, что пошлины на табак, сахар и другие колониальные товары повышают их стоимость вдвое, и что цена соли... так высока, что люди из народа не могут ни давать ее скоту, ни есть ее сами». Надо объяснить народу, что «необходимость платить гербовый сбор за самые мелкие сделки причиняет ему постоянные расходы, что правительство забирает в солдаты его сыновей и учит их направлять штык против отцов, сказать, что для человека из народа нет ни прав, ни представительства... есть лишь слезы, нужда, гражданское, политическое, церковное угнетение»².

Наряду с требованием реформ и пробуждением ненависти к тирании, пропагандистская работа «Молодой Италии» должна была, по мысли ее вождя, пробуждать в народе его «великие воспоминания» и воздействовать на него примерами революционной борьбы в других странах.

«Шепните народу о Веспро, Мазаниело, Леньяно, 1746 году,— продолжает в только что цитированной статье Мадзини,— расскажите ему о битвах Парижа, Брюсселя, Варшавы, о баррикадах, пиках, копьях. Скажите ему — от тебя зависит повторить эти действия. Встань во всей твоей гигантской силе. С тобою бог. Бог — с угнетенными. И когда вы увидите, как сверкнет на лицах живая мысль, когда вы услышите как поднимается, точно буря на море, ропот народа — тогда, и только тогда... укажите рукой в направлении Ломбардии: там люди, которые хотят увечечить ваше рабство! Укажите на Альпы: там ваши границы. Киньте клич: долой варваров, смерть австрийцам! — народ пойдет за вами!»³

Недооценивать разработанную Мадзини программу массовой пропаганды было бы неверно. Политический, судебный, административный гнет тяжелым грузом лежал на народных массах Италии и обращенные к ним слова о тяжелых налогах и правительственных притеснениях должны были найти у них отклик. История знает немало антиналоговых крестьянских восстаний, и если в течение своей сорокалетней деятельности

¹ La Giovine Italia, fasc. 1, Marsiglia, 1832, p. 132.

² Там же, fasc. 3, Marsiglia, 1832, p. 104—105.

³ Там же, p. 105—106.

Мадзини ни разу не удалось увлечь за собой сколько-нибудь значительную часть итальянского крестьянства, то это объясняется не только тем, что он не выдвинул аграрных лозунгов, но и недостаточной пропагандой в массах того положительного, что было в его программе. Это объясняется также неправильными представлениями Мадзини об условиях, необходимых для наступления революции.

Мадзини считал, что революция не вспыхивает внезапно, «как молния на небе»¹, и что для начала ее нужны подготовка, программа. Но видя в народе ведомый, руководимый элемент революции, да еще и страдающий и постоянно недовольный, Мадзини до конца своей жизни оставался, по видимому, уверен, что при наличии подходящей программы народ можно поднять в любую минуту — было бы лишь руководящее ядро до «инициатива» — героический пример, которому Мадзини придавал непомерно большое значение. А это приводило к тому, что попытки мадзинистских восстаний происходили нередко в максимально неблагоприятное для них время.

И это было также одной из причин того, что пропаганда «Молодой Италии» в народе, несмотря на большое внимание, которое уделял ей Мадзини, отступала все же, по сравнению с пропагандой среди «молодежи», на второй план.

В начале 30-х годов массовая пропаганда «Молодой Италии», по мнению самого Мадзини, была недостаточна. Задуманный им народный журнал так и не вышел, а немногие листовки, выпущенные «Молодой Италией» для народа, не могли заменить то «бесчисленное количество изданий», о котором мечтал Мадзини, начиная в 1831 г. свою марсельскую деятельность. Самый журнал «Молодая Италия» издавался небольшим тиражом и опять-таки, по словам его редактора, доходил лишь до немногих представителей «просвещенного класса» и учащейся молодежи². Мадзини винил в этом нехватку средств и «пагубное равнодушие» образованных итальянцев. «Почему вы пишете бездельицы и любовные канцоны, вместо того, чтобы поставить литературу на службу народу? — с горечью обращается он к своим соотечественникам. — Почему не распространяете... в народе образование?... Не руководите в вашей деревне чтением некоторых горцев?...³ Почему не путешествуете, неся огненный крест⁴ из местности в местность, из деревни в деревню? Идите к простолюдинам, поднимитесь в горы, присутствуйте при трапезе земляпашца, посещайте мастерские ремесленников»⁵.

Не имея средств и не встречая в деле организации массовой пропаганды должного отклика среди значительной части своих соратников, Мадзини и сам начал вести пропаганду в основном среди интеллигенции, что ему казалось в конечном счете наиболее важным и наиболее близким.

«Я обращаюсь преимущественно к молодежи, — признавался он в письме к другу⁶. — «Мы хотим... создать ядро людей с убеждениями твердыми и искренними, — писал он Сисмонди — ...Конечно, было бы лучше, если бы свет понемногу проник и в наши массы, но как этого достичь? Массы у нас не читают, они плачут и проклинают», — с горечью добавлял Мадзини⁷.

¹ Mazzini, vol. 5, p. 59.

² Mazzini, vol. 3, p. 17.

³ Очевидно, тех немногих, кто умел читать, ибо подавляющая масса крестьян была неграмотна.

⁴ Символ восстания.

⁵ La Giovine Italia, fasc. 3, Marsiglia, 1832, p. 124—125.

⁶ Mazzini, vol. 5, p. 261.

⁷ La Giovine Italia, fasc. 4, Marsiglia, 1833, p. 216.

Все это приводило к тому, что, несмотря на искреннее стремление Мадзини привлечь массы к национально-освободительной борьбе, его идеи не могли проникнуть в народ. Мадзини не отдавал себе в этом отчета.

В 1832—1833 гг. подготовка к восстанию казалась Мадзини законченной, революция близкой. Он видел в Италии «глухое брожение, смутное волнение, беспокойство»,— такое страдание и такую степень отчаяния, при которых нужен лишь повод, чтобы революция началась¹.

Приветствуя грядущую схватку, Мадзини решительно отбрасывал доводы итальянских либералов, которые, боясь революции, противопоставляли ей, по его выражению, «трусливую реформу». «Старики... боятся поднять бурю, которой их слабые руки не смогут управлять,— с юношеским задором писал он в ноябре 1832 г.,— мы хотим перевернуть эту землю до основания, хотим взбаламутить мертвую воду, выпустить поток народной активности. И если этот разлив захлестнет и нас — не важно»². «Реформа — дело королей. Революция — вот секрет народов»³.

В противовес предшествовавшим итальянским революциям, эта грядущая революция должна была быть, по мнению Мадзини, общенародной. Она должна была свершиться «с народом и для народа», и Мадзини мечтал о том, что участие последнего сделает революцию массовой.

Революция должна была, в противовес предшествовавшим выступлениям,— быть общенациональной. «Никогда до сих пор,— писал Мадзини,— Италия не поднималась на борьбу вся целиком. Наши попытки всегда были частичными и уже в силу этого были обречены на неудачу»⁴.— А между тем 1821 год ясно показал, что ни одно итальянское государство не имеет достаточно сил, чтобы самому прогнать австрийцев⁵. Поэтому, утверждал Мадзини, восстание в одной части Италии может быть поднято лишь при наличии уверенности, что оно будет подхвачено в остальных ее частях⁶.

Задачи общенациональной революции требовали борьбы с муниципальным соперничеством и предрассудками, централизованного руководства движением и единства действий и целей революционеров в разных концах страны. Именно к этому и стремилась, включая в свой состав многочисленные подпольные кружки и распространяя сеть своих отделений на всю страну, «Молодая Италия». Планы восстания, составлявшиеся в те годы от ее имени Мадзини, неизменно охватывали всю страну, и сам он неоднократно удерживал своих сторонников и других деятелей итальянского национально-освободительного движения от попыток местных восстаний⁷, о которых отзывался как о «бесполезной трате сил» и «политическом преступлении»⁸.

Подчеркнуть это тем более важно, что фактическая оторванность от народных масс привела к тому, что составляемые Мадзини планы общенациональной революции сводились на практике к заговорщического типа вспышкам, и это заставило многих — и современников и историков — видеть заговорщика по убеждению в человеке, который первым поднял знамя общенациональной народной революции.

¹ La Giovine Italia, fasc. 4, Marsiglia, 1833, p. 215.

² Mazzini, vol. 5, p. 193.

³ La Giovine Italia, fasc. 4, Marsiglia, 1833, p. 27.

⁴ Mazzini, vol. 5, p. 164.

⁵ См. там же, p. 81.

⁶ См. там же, p. 381.

⁷ См. там же, vol. 2, p. 67—71; vol. 5, p. 80—84.

⁸ Там же, vol. 5, p. 381.

Революция должна была, как подчеркивал Мадзини, быть также социальной — не ограничиваясь завоеванием национальной независимости и единства, она должна была привести к внутреннему преобразованию страны.

Необходимость этого диктовалась непосредственными интересами итальянской буржуазии, стремившейся к власти и страдавшей от феодальных пережитков в различных областях экономической и политической жизни страны. «Италия стара от рабства и закоренелых предрассудков... и пробовать возродить ее ...оставив... нетронутым социальное здание, значит пытаться убить врага (т. е. феодализм.— К. К.) проржавевшим от времени оружием», — писал Мадзини¹.

В своем отношении к революции Мадзини, однако, не был свободен от колебаний. Утверждая необходимость революции, он в то же время стремился оградить общество от ее возможной опасности.

«Беспорядок и революция, — пишет Мадзини, — вначале неразделимы. При неожиданном переходе от рабства к свободе... наступает период смятения, почти анархии, эпоха волнений, конвульсивных движений, ужасных колебаний, от которых не может избавить никакая сила. Это хаос, предшествующий созиданию, неизбежное столкновение элементов, которые образуют нацию и ищут равновесия»². «Революция для нации, как океан для Колумба, — восклицает он в другом месте, — опасность и буря, и новый мир на горизонте»³.

Боязнь острой борьбы социальных сил, какую несет с собою революция, мешала и правильному пониманию Мадзини антифеодального классового характера итальянской революции.

Видя в борьбе с феодализмом чуть ли не основное содержание человеческой истории, видя и даже преувеличивая наличие феодальных элементов в обществе английском или французском, Мадзини по отношению к Италии ставит вопрос несколько иначе. Как известно, итальянское дворянство было к 1830 г. расколото на дворянство феодальное и обуржуазившееся. Мадзини, считая итальянскую революцию антифеодальной, сбрасывает феодальное дворянство со счетов и преувеличивает степень обуржуазивания итальянского дворянства, заявляя, что сильной аристократии в Италии нет⁴ и что аристократии как социального элемента в Италии не существует⁵.

Преувеличение это не было ошибкой экономиста, произведшего неправильные подсчеты. Никаких подсчетов Мадзини, надо полагать, и не производил. Оно было результатом того, что совместная эксплуатация крестьян сближала, как мы уже отмечали, интересы итальянской буржуазии и дворянства, даже и феодального, т. е. в конечном счете было результатом уже отмеченной нами боязни итальянских буржуа разжечь классовую борьбу в деревне.

В трактовке задач итальянской революции это преувеличение позволяло Мадзини видеть в Австрии не только основную, но и единственную опору итальянского феодализма и, отрицая борьбу с феодальными элементами внутри страны и не ставя открыто вопроса о возможной в ходе революции борьбе между эксплуататорскими и эксплуатируемыми классами, утверждать общенациональный (т. е. надклассовый.— К. К.) характер революции. Самый процесс итальянской революции Мадзини делил на два периода.

¹ La Giovine Italia, fasc. 5, Marsiglia, 1833, 64—65.

² Там же, p. 170.

³ Там же, fasc. 4, p. 28.

⁴ Mazzini, vol. 2, p. 48.

⁵ Там же, vol. 3, p. 287.

Первый период должен был длиться от начала восстания до очищения Италии от «варваров», т. е. австрийцев. Это период национально-освободительной партизанской войны, или, как Мадзини обычно ее называет, «войны отрядами» (*guerra per bande*). «Войне отрядами» Мадзини придавал исключительное значение и в отсутствие ее видел одну из основных причин неудач революционных попыток 1820—1831 гг. в Италии. По его характеристике, это война, которая вспыхивает одновременно по всей стране, идет при участии масс и превращает «каждую дорожку в баррикаду, каждый город в крепость, каждый дом в пункт сопротивления»¹. Эта война отрядами, пишет Мадзини, принесла победу Нидерландам в их борьбе с Филиппом II, Америке — в борьбе с Англией, Греции — в борьбе с Турцией, России, Германии и Испании — в борьбе с Наполеоном², и только эта «война отрядами» может дать победу Италии.

«Война отрядами» — это война организованная. Мадзини неоднократно подчеркивает это, говоря о вождях, которые должны организовать «войну отрядами», о народе, который должен организоваться в отряды, и т. д.

Из инструкции для ведения гверильи в Папской области, выпущенной «Молодой Италией» в 1833 г.³, видно, что партизанские отряды были задуманы как четко оформленные боевые единицы, организаторами которых должны были выступить провинциальные конгрегации (отделения) «Молодой Италии». Каждый отряд должен был иметь свое знамя, своего командира.

Члены отряда должны были носить форму, иметь определенное количество патронов, денег, во многих вопросах подчиняться правилам, установленным для регулярной милиции.

Членом партизанского отряда мог стать не каждый. Командир его должен был следить за тем, чтобы в отряд не проникали люди, обвиняемые в преступлениях, так же как и за тем, чтобы партизаны «не сводили личных счетов» и вообще не совершали поступков, «не соответствующих добрым нравам».

Не подлежит сомнению, что организация партизанской борьбы должна была в первую очередь способствовать успешному ведению военных действий, а отбор при приеме в отряды должен был препятствовать засорению их недостойными элементами.

Не следует, однако, забывать, что значительную, если не большую часть преступлений, совершаемых в то время в итальянской деревне, составляли преступления против помещичьей собственности на землю и что в понятие «сведения личных счетов» входило также и сведение батраками счетов с помещиками.

Связанные инструкциями, правилами, крестьяне и ремесленники должны были, таким образом, находиться в партизанских отрядах под руководством все той же «молодежи» (т. е. буржуазии и обуржуазившихся дворян. — К. К.), которая, по мысли Мадзини, должна была взять на себя руководство движением в целом.

Идея партизанской национально-освободительной борьбы, несмотря на ограничения, вносимые Мадзини, является все же одной из наиболее ценных революционных идей его концепции. Анализируя ее, нельзя не вспомнить сказанные в 1849 г. применительно к Италии слова Маркса: «Народ, который хочет завоевать себе независимость, не может ограни-

¹ La Giovine Italia, fasc. 5, Marsiglia, 1833, p. 164.

² См. там же, Marsiglia, 1833, p. 177.

³ См. Mazzini, vol. 5, p. 430—432. Эта инструкция, как и большинство документов «Молодой Италии», выражает взгляды самого Мадзини.

читься *обычными* способами ведения войны. Массовое восстание, революционная война, партизанские отряды — вот способы, при помощи которых маленький народ может одолеть большой; только так более слабая армия может противостоять и более сильной, и лучше организованной»¹.

Национально-освободительная борьба могла, по мнению Мадзини, продлиться 2—3 года. Все это время руководство военными действиями и управление восставшими территориями должно находиться в руках революционного правительства, составленного из членов «Молодой Италии» или, по крайней мере, из проникнутых ее принципами² и способных «руководить и овладеть» движением людей³.

Это правительство, как неоднократно подчеркивал Мадзини, должно быть общенациональным и власть его будет распространяться на всю очищенную от врага территорию — независимо от ее прежней принадлежности к тому или иному из итальянских государств.

Руководя национально-освободительной борьбой против австрийцев, должно ли временное правительство беспощадно подавлять также и внутренних врагов революции, т. е. феодальное дворянство и духовенство?

Именно таково было мнение Ф. Буонарроти, выраженное в его статье «Правительство народа, восставшего на борьбу за свободу», напечатанной в «Молодой Италии». Иным было высказанное и в редакционном примечании к статье Буонарроти, и в ряде собственных статей и писем, мнение Мадзини.

Вопрос о терроре в представлении европейской буржуазии, был в ту пору неразрывно связан с воспоминаниями о якобинском 93-м годе.

Мадзини не разделял того отвращения и ужаса, какой проявляли по отношению к якобинской диктатуре представители крупной буржуазии. Понимая необходимость террора во Франции 1793 г., раздираемой внутренней борьбой с аристократией и духовенством и подвергшейся вторжению иностранных войск⁴, он говорил о терроре, как о средстве «печальном, но неизбежном»⁵ и отзывался о Робеспьере, бывшем в XIX в. кровавым пугалом для буржуа, как об одном из «великих людей Конвента». И все же у него, когда он говорит о якобинской эпохе, звучат порой неприязненные нотки.

Как о мерах «жестоких и несправедливых», говорит Мадзини о том, что было связано в его представлении с якобинской диктатурой — о «рецептах аграрных законов, репрессиях, хищениях фамильных владений, захватах внезапных и жестоких»⁶. Оправдывая применение якобинцами террора во Франции, он неизменно подчеркивает ненужность его в Италии.

В доказательство этого Мадзини привлекает известный нам тезис об отсутствии в Италии сильной аристократии. «Нам не приходится особенно бояться внутренних врагов...,— пишет он в примечании к статье Ф. Буонарроти,— у нас в стране мало врагов свободы, а те немногие, что есть, держатся лишь поддержкой австрийцев... Увидев нашу силу... они пойдут с нами или успокоятся в бездействии подлых»⁷. «Итальянцы,— заявляет он в другом месте,— не должны бояться внутренней борьбы партий... 93-й год мы повторим только против австрийцев»⁸.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 337.

² Mazzini, vol. 5, p. 246.

³ Там же, p. 422.

⁴ См. La Giovine Italia, fasc. 1, Marsiglia, 1832, p. 102, fasc. 3, Marsiglia, 1832, p. 115.

⁵ Там же, fasc. 3, Marsiglia, 1832, p. 109.

⁶ Там же, p. 108.

⁷ Там же, fasc. 5, Marsiglia, 1833, p. 49—50.

⁸ Mazzini, vol. 5, p. 462.

Не отрицая возможности применения жестких мер по отношению к отдельным изменникам и «открытым сторонникам тирании»¹, Мадзини категорически отвергает террор как систему подавления вражеских классов². Борьба революционного лагеря в период национально-освободительной войны представляется ему, в целом, направленной лишь против внешнего врага.

Руководя национально-освободительной борьбой, временное правительство должно также подготовить второй период революции — период политического и социального переустройства Италии. Оно создаст комиссии для разработки проекта конституции и нового гражданского и уголовного законодательства, издаст декларацию прав и обязанностей, которая вступит в действие после окончательной победы над врагом, поведет пропаганду республики.

Непосредственно вопросами внутреннего переустройства временное правительство заниматься не должно. «Сначала оружие и победа, потом законы и конституция», — определяет Мадзини. Но первые, наиболее спешные реформы провести все же надо, ибо «народ не философ, и отходит от борьбы, если она не приносит ему немедленного, хотя бы и частичного улучшения»³.

К вопросу о первых реформах Мадзини возвращается не раз. Так, критикуя политику временного правительства Болоньи в 1831 г., он с неодобрением подчеркивает, что налоги, лежавшие на народе, не были уменьшены и его материальное положение не было улучшено⁴.

Переходя от критики политики старых вождей к разработке собственной программы, Мадзини становится, однако, более сдержанным. Временное правительство, пишет он, «проведет мероприятия, касающиеся печати, уголовного суда, администрации, продовольствования и ничего более»⁵. В этой программе улучшение материального положения народных масс предусмотрено лишь одним неопределенным термином «продовольствование» (*аппопе*). Трудно утверждать, что именно подразумевает под ним Мадзини, но так как эта, трактующая о первых реформах, часть его концепции задумана под известным влиянием Буонарроти, то можно полагать, что под «аппопе» подразумевается нечто вроде бабувистского намерения накормить в день восстания голодных. О реформе налоговой системы, в забвении которой Мадзини упрекал болонское правительство, здесь нет ни слова.

Мы полагаем, что это не случайно. Понимая необходимость уже в первые дни восстания улучшить материальное положение народных масс, Мадзини боялся, очевидно — уменьшив налоги, падающие на народ, а значит, неизбежно увеличив налоги на капитал, — оттолкнуть от революционного лагеря крупную итальянскую буржуазию и обуржуазившееся дворянство. Но, что также очевидно, он боялся начинать и коренную внутреннюю ломку в дни, когда на территории Италии действует и может предьявить свои требования вооруженный народ.

Надеясь, что административных, судебных и тому подобных улучшений окажется достаточно, чтобы народ не отошел от революции, Мадзини переносит более серьезные реформы на вторую ее стадию, когда страна будет очищена от австрийцев, вооруженные крестьяне и ремесленники разойдутся по домам и для Италии начнется период внутренних преобразований.

¹ La Giovine Italia, fasc. 3, Marsiglia, 1832, p. 112.

² Там же, p. 114.

³ Там же, p. 187.

⁴ Там же, p. 186.

⁵ Mazzini, vol. 2, p. 301.

В отличие от предшествовавшего этапа национально-освободительной борьбы, этот период должен носить абсолютно мирный характер. Прекращается даже борьба с отдельными изменниками, ибо «прощение — добродетель победы»¹ и «слова свободы должны звучать для всех или ни для кого». Вопрос о возможных разногласиях между «верхами» и «низами» обходится Мадзини при характеристике этого периода особенно тщательно. Нация предстает как нечто абсолютно единое и цельное. Революция становится «чистой, невинной и мирной».

Верша судьбы освобожденной страны, народ и на этом этапе революции выступает под руководством своих вождей. В созванном на основе всеобщего избирательного права национальном собрании, которое должно будет осуществить политическое и социальное переустройство освобожденной страны, он действует через посредство своих «законных представителей» (т. е. все тех же буржуа и обуржуазившихся дворян. — К. К.) в обстановке торжественной и спокойной.

Выдвигая в Италии начала 30-х годов XIX в. требование созыва национального (учредительного) собрания, Мадзини выступил борцом против феодально-абсолютистского гнета и произвола. Антифеодальный, революционный характер носила и развиваемая им программа внутреннего переустройства страны. Оговаривая, что он и его соратники не будут называть собранию свою волю и что нация (действуя через собрание) сама определит основной закон своего существования, Мадзини уделяет очень много внимания изложению своей политической программы.

Основным пунктом этой программы было требование объединения Италии в единое государство. Мадзини прямо связывал установление политического единства с введением единых кодексов, коммерческой выгодой и т. п. и писал о «благоприятных последствиях, какие будет иметь единство для торговли, промышленности, ремесел и искусств»².

Антифеодальный характер выдвигаемого Мадзини требования политического объединения явственно виден также из полемики Мадзини со сторонниками создания федерации итальянских государств. Идея эта, впоследствии поднятая на щит Джоберти, уже в то время имела немало приверженцев среди экономически связанных с итальянскими государями и феодальной знатью крупных буржуа.

Мадзини отвергал идею федерации — даже если речь шла о федерации итальянских республик, — утверждая, что федерализм оживит местное соперничество и раздробит единую национальную сферу деятельности. Возвысив аристократию, он раньше или позже вернет страну к средневековью. С бичующим гневом, как о «страстях убогих и низких», писал он о существовавшем среди городов, провинций и муниципалитетов соперничестве и тщеславии, которые столетия раздробленности укрепили в Италии и которые «великий революционный взрыв один только может рассеять торжественной манифестацией национального единства»³. Италия снова и снова, утверждал он, сможет стать сильной и славной, лишь став единой! Призывая своих соотечественников отбросить раздоры, он звал их «не быть ни тосканцами, ни пьемонтцами, ни романцами — а быть итальянцами»⁴. Требуя полного объединения страны, Мадзини выражал стремление передовых групп итальянской буржуазии и дворянства. Но какое бы промадное значение ни придавал он политическому единству, самоцелью оно для него не было. Цель итальянской революции

¹ Mazzini, vol. 2, p. 81.

² Там же, vol. 3, p. 263.

³ Там же, p. 262.

⁴ Там же, vol. 2, p. 68.

он видел в «возрождении нации», а это значило, что независимость и единство должны стать ступенью к свободе и равенству, ибо «суть Молодой Италии секрет века, секрет грядущих революций в равенстве... Свобода — этого мало, это ничто, если это не путь к достижению равенства, которое возродит народ».

Свобода же и равенство могли быть достигнуты лишь в республике.

Свой республиканские воззрения Мадзини развивал в страстной полемике с либерально-монархическим крылом итальянского национально-освободительного лагеря, выражавшем интересы крупной буржуазии и крупного обуржуазившегося дворянства.

Безоговорочно отождествляя феодально-абсолютистские правительства итальянских государств с «деспотией», Мадзини видел в конституционной монархии всего только шаг на пути к свободе. Это — переходная форма правления и сторонниками ее являются те, кто, боясь народа, не решаются освободить его от опеки королей и аристократов¹. Подавляя народ и видя в нем постоянную угрозу своей власти, монархи, даже и конституционные, неизбежно опираются на аристократию. «Трон без аристократии существовать не может»², а это неизбежно приводит к росту привилегий, неравенства, к усилению внутренней борьбы и, в конечном счете, к неизбежности новой революции.

В противоположность монархии республика в представлении Мадзини выражает волю всей нации. Это государство с однопалатным представительством (ибо «сенат — прибежище аристократии»), с правительством, созданным на началах широкой выборности и чиновниками, являющимися уполномоченными нации и действующими под ее контролем. Все учреждения республики стремятся к улучшению положения класса наиболее многочисленного и наиболее бедного³. Суверенная власть в ней принадлежит нации⁴, привилегии уничтожены, «ни один класс, ни один индивидуум не может без прямого мандата нации взять на себя руководство государственными делами» — и только республика способна обеспечить свободу, равенство и братство и «слить в великом национальном единстве различные касты, на которые раздроблен народ»⁵.

Не приходится доказывать, что Мадзини идеализировал республиканский строй и что буржуазно-демократическая республика классовых противоречий не устраняет и устранить не может. И тем не менее требование республики, выдвинутое Мадзини в задыхавшейся от феодального деспотизма и произвола Италии, было глубоко революционно.

Антифеодальный, прогрессивный характер носил и тот перечень внутренних реформ, какие республика, по мнению Мадзини, должна была провести. Правда, требования уничтожения феодальных пережитков в деревне, Мадзини не выдвигал⁶, но в его программу входило требование

¹ La Giovine Italia, fasc. 4, Marsiglia, 1833, p. 21

² Там же, p. 19.

³ Там же, p. 217.

⁴ Там же, fasc. 3, Marsiglia, 1832, p. 106.

⁵ Там же, fasc. 4, Marsiglia, 1833, p. 24.

⁶ Мы находим в документах самого Мадзини и в журнале «Молодая Италия» лишь отдельные высказывания против тех феодальных пережитков в сельском хозяйстве Италии, которые непосредственно ущемляли интересы буржуазного землевладения. Так, «Молодая Италия» критиковала, называя «варварским», закон о фидеикомиссах, действовавший в некоторых итальянских государствах и тормозивший переход земли от феодального дворянства к буржуазии. А сам Мадзини — уже, правда, в 1835 г. — писал одному из своих друзей, что итальянская революция должна будет «разрушить исключительные права и привилегии собственности..., изменить ипотечную систему... и сделать более доступной передачу собственности из рук в руки (см. Mazzini, vol. 10, p. 298).

уничтожения «всякой аристократии» (в том числе и церковной), всех наследственных привилегий и различий, установление полного равенства всех перед законом, требование всеобщего избирательного права и весь комплекс буржуазных политических свобод — свобода слова, печати, собраний и т. п. В его программу входила также организация дешевого государственного аппарата, что позволило бы уменьшить «подати, налоги и другие помехи ремеслам, промышленности и торговле»¹.

Феодальные налоги итальянских государств подлежали замене единым пропорционально-прогрессивным налогом, феодальное их законодательство — прогрессивным и единым для всей Италии законодательством, которое было бы «приспособлено к нуждам страны».

Подобный перечень реформ свидетельствует о значительно большем, чем принято считать, внимании молодого Мадзини к экономическим, финансовым и т. п. проблемам. Будучи осуществлены, эти реформы должны были очистить страну от многих пережитков феодализма, а, по утверждению Мадзини, и вовсе изгнать из нее «все недвижимое и застойное»².

Характеристика представлений Мадзини о задачах и целях итальянской революции была бы не полна, если бы мы не упомянули также и о некоторых эгалитарных его тенденциях.

В 30-х годах XIX в. социализм носил еще утопический характер, не был связан с рабочим движением — и не внушал серьезных опасений европейской буржуазии. Идеология многих буржуазных демократов окazyвалась в те годы окрашенной, если не в социалистические, то в уравнительские тона. Так, в значительной мере под влиянием передовых французских идей, произошло и с Мадзини. Уверая, что в республике, за которую он борется, не будет нуждающихся в необходимом, Мадзини в одной из статей заявляет даже, что «национальное представительство, строго охраняя политическое равенство, должно направлять учреждения, постепенно им создаваемые, к социальному равенству»³.

Конечно, это не означает, что Мадзини был сторонником отмены частной собственности. Правда, последняя не казалась ему в те годы чем-то застывшим и неизменным. Отдавая дань широко распространенным в Италии сенсимонистским идеям, Мадзини считал, что собственность видоизменялась в процессе исторического развития так же, как и все остальные общественные институты⁴, и в 1835 г., правда, в частном письме, заявил даже, что собственность будет изменяться и впредь. Он тут же, впрочем, поторопился добавить, что собственность священна, ибо это «завоевание, сделанное человеком в процессе его развития», а самое изменение собственности, не раскрывая его содержания, отнес на «конец наступающей эпохи», — т. е. на времена, неопределенно далекие⁵.

Путь к установлению социального равенства Мадзини искал не в уничтожении частной собственности, а в реформе налоговой системы, которая, как сказано выше, освободив от налогов «все необходимое для жизни», обложит пропорционально-прогрессивным налогом излишки, и в издании законов о завещаниях и дарственных записях, препятствующих чрезмерной концентрации собственности в немногих руках⁶.

Дело сводилось, таким образом, лишь к некоторому уменьшению экономического неравенства и социальных контрастов. Именно в этой связи

¹ La Giovine Italia, fasc. 3, Marsiglia, 1832, p. 107.

² Там же.

³ Там же, fasc. 4, Marsiglia, 1833, p. 48.

⁴ См. там же, fasc. 2, Marsiglia, 1832, p. 235.

⁵ Mazzini, vol. 10, p. 298.

⁶ La Giovine Italia, fasc. 4, Marsiglia, 1833, p. 48.

и следует оценивать слова Мадзини о желательности «постепенно уменьшить класс людей, который себя продает и класс людей, который покупает, другими словами — сблизить классы»¹.

Уравнительные тенденции, для Мадзини по сути неорганичные, выражены в его работах весьма скупно. Чрезвычайно сдержанный, когда речь заходит о собственности, вопрос о которой он называет «трудным», Мадзини не жалеет красок, переходя к возрождению и обновлению нации, какое наступит в результате освобождения Италии и проведения задуманных им реформ. Широкими мазками рисует он народ гордый, возрожденный, не испорченный роскошью, не возбужденный нуждой, нацию счастливую, единую, как «воздвигнутый богу храм».

Концепция итальянской революции в ранних работах Мадзини — это концепция антифеодальной, национально-освободительной революции, которую буржуазия совершает в тесном, хотя и не безоговорочном, союзе с народом.

Ряд положений, выдвигаемых Мадзини, — требование привлечения к освободительной борьбе народа, положение об общенациональном характере революции, требование объединения Италии и превращения ее в единую демократическую республику — обуславливают высокое революционное звучание взглядов Мадзини и позволяют определить путь разрешения им национальных задач, как путь объединения снизу.

Но Мадзини был сложной, противоречивой фигурой.

В 30-х годах XIX в., когда он выступил с самостоятельной политической программой, европейская и в том числе итальянская буржуазия уже имела перед глазами пугающий ее опыт классово-борьбы и революционных выступлений народных масс.

Это отношение итальянской буржуазии к революционной борьбе народа в сочетании с ее двойственной позицией по отношению к крестьянству обусловили неполноту и буржуазную ограниченность революционных лозунгов и программы вождя «Молодой Италии».

Понимая необходимость тесного союза с народными массами, Мадзини и его соратники не сумели преодолеть свою буржуазную ограниченность и этот союз заключить. В этом была историческая трагедия Мадзини и мадзинизма. Вся глубина этой трагедии сказалась, однако, не сразу.

В начале 30-х годов XIX в. черты буржуазной ограниченности во взглядах Мадзини еще отступают перед его революционной проповедью на второй план. Марсельский изгнанник зовет к национальной независимости и единству, к революции, свершаемой «с народом и для народа», к созданию Италии сильной и славной счастьем своих сыновей — и его призывы будоражат и поднимают на борьбу наиболее передовые группы итальянской буржуазии и дворянства. В созданной Мадзини «Молодой Италии» вокруг него группируются, стремясь увлечь за собой народ и обрекая себя на изгнание, а порой и на мучительную смерть в австрийских застенках, — лучшие представители итальянской интеллигенции. Героическая борьба «Молодой Италии» вызывает в эти годы восхищение всего прогрессивного человечества, самое название организации становится символом борьбы с феодальным произволом и угнетением.

Много лет спустя народный герой Италии Джузеппе Гарибальди будет говорить о Мадзини начала 30-х годов как о человеке, который «бодрствовал, когда все спало»³. Прекрасные эти слова ярко выражают ту роль провозвестника и глашатая борьбы за национальную независимость и единство, которую сыграл молодой Мадзини.

¹ Там же, fasc. 2, Marsiglia, 1832, p. 299.

² См. А. И. Герцен. Соч., т. XVII, стр. 160.

Материалы о Рисорджименто:

Феличе Орсини. Мемуары (с комментариями и статьей *Г.Сандомирского*)
М.Ковальская. Движение карбонариев в Италии 1808-1821 гг.
М.Ковальская. Итальянская революция 1831 г. и Франция
М.Ковальская. Италия в борьбе за национальную независимость и единство. От революции 1831 г. к революции 1848-1849 гг.
В.Невлер. К истории воссоединения Италии
М.Ковальская. Дж. Г. Байрон и карбонарское движение
К.Кирова. Французские революции (1789-1848 гг.) и итальянские умеренные либералы (1830-1860 гг.)
К.Кирова. Концепции итальянской революции в ранних работах Мадзини (1831-1833 гг. Первый период «Молодой Италии»)
К.Кирова. Социально-политические взгляды Дж.Гарибальди
Дж.Берти. Демократы и социалисты в период Рисорджименто
Дж.Берти. Социалист-утопист 40-х годов XIX века Микеле Фодера
Б.Козьмин. Николай I и Мадзини в 1854 г.
В.Невлер. Н.А.Добролюбов и борьба за воссоединение Италии
И.Полуяхтова. История итальянской литературы 19 в. Эпоха Рисорджименто

см. соответствующий тэг в нашем сообществе

<http://vive-liberta.diary.ru/?tag=3337656>

подборки текстов

о Мадзини <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#madz>

о Гарибальди <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#garb>